

ИЛЬЯ СИРОТА

Профессор Матусос и цирманский зверь

СКАЗОЧНАЯ ПОВЕСТЬ

Илья Сирота

**Профессор Матусос и цирманский
зверь. Сказочная повесть**

«Издательские решения»

Сирота И.

Профессор Матусос и цирманский зверь. Сказочная повесть /
И. Сирота — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839496-6

Повесть ведет читателя вслед за Ардо Матусосом, профессором животных наук из Большого университета славного города Туртсонд, на поиски таинственного зверя из Цирмани. За почти полвека служения науке профессор еще не искал сказочных зверей, да еще и наперегонки с другими экспедициями. Матусос — серьезный ученый, его вклад в классификацию пушканообразных признан во всем мире, и не в его правилах верить сказкам и басням. Но иногда именно сказочный зверь становится новым словом в животных науках...

ISBN 978-5-44-839496-6

© Сирота И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Заботы профессора Матусоса	6
Глава 2. Немного об истории города Туртсонд	9
Глава 3. Гости из Мурджипурджи	11
Глава 4. Архив Большого университета	15
Глава 5. Подозреваемые	18
Глава 6. Встреча с агентами	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Профессор Матусос и цирманский зверь

Сказочная повесть

Илья Сирота

Иллюстратор Илья Сирота

© Илья Сирота, 2017

© Илья Сирота, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-9496-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Заботы профессора Матусоса

– И в этот самый миг двери неприступного, – произнес профессор Коплус, ученый с мировым именем, гордость Большого университета города Туртсонд, и сделал паузу. Студенты прилежно скрипели перьями. Коплус продолжил: – Неприступного дворца в Нерпридхайме с грохотом, повторяю, с гро-хо-том распахнулись, и в проеме показался... По-ка-за-лся великий герой Прулст. Записали? Хорошо, поехали дальше. Он вскричал...

– Всем сидеть неподвижно!!!

Дверь аудитории с грохотом распахнулась, и в нее ворвался, обгоняя свой собственный зычный рёв, профессор Матусос, ученый с мировым именем, гордость Большого университета города Туртсонд. Студенты кафедры прошлодавной истории замерли с перьями в руках, а один на всякий случай переспросил:

– Так и писать, «вскричал: «Всем сидеть неподвижно»?

– Ничего не писать! Сидеть тихо! Не двигаться! – Матусос как метеор пронесся по проходу между рядами парт до самой стены, развернулся лицом к двери и замер в позе хищника, готового к прыжку. – Тейе, загоняем!

В коридоре кто-то откашлялся и шумно вдохнул воздух. После чего в аудиторию, издавая истошный визг, влетел высокий и страшно худой молодой человек. Он остановился возле ошеломленного профессора Коплуса и принялся топтать ногами и размахивать руками, не переставая визжать, как хрюненгаардская крапчатая свинья.

– Тейе, тихо! – вдруг скомандовал профессор Матусос. Молодой человек как топал и махал руками, так и замер на одной ноге в нелепой позе с раскинутыми в стороны руками. Полная тишина царила почти минуту.

– Вы! – профессор Матусос резко выбросил вперед руку с вытянутым указательным пальцем.

Старательный студент, спросивший нужно ли писать «всем сидеть», неуверенно переспросил:

– Я?

– Нет! Вы! Барышня с копной волос! – профессор указал на студентку за партой позади.

– Это не копна! – надулась барышня. – Это прическа самая модная, я ее неделю делала, называется...

– Тихо! – скомандовал Матусос. – Встаньте. Очень медленно.

Напуганная решительным видом и повелительным тоном профессора, студентка осторожно поднялась с места.

– Умница! Теперь возьмите у своей соседки платок и повяжите на голову. Только без разговоров.

Барышня с копной испугалась еще больше и выполнила приказание в точности. Ее соседка, отдавая платок, злобно прошипела: «Ну, Мулли, помнешь – оторву голову с платком вместе». Но протестовать открыто не решилась.

– Отлично! – профессор Матусос явственно повеселел. – Теперь не торопясь спуститесь, милая, вниз, к моему ассистенту и остановитесь там.

Студентка осторожно подошла к Тейе, который позволил себе встать на обе ноги, но руки по-прежнему на всякий случай держал раскинутыми в стороны. Профессор крался за студенткой, не спуская глаз с ее прически под платком. Когда все оказались на местах, он продолжил:

– Теперь, деточка, самое сложное. По моей команде, на счет «три», вы должны резко встряхнуть своей прекрасной, самой модной прической в направлении моего коллеги Тейе. Возможно, нам придется повторить это упражнение раза два-три, так что не переусердствуйте.

Если ваша прекрасная голова оторвется, вы лишите вашу соседку удовольствия оторвать ее вам потом.

Вредная соседка покраснела и втянула голову в плечи.

– Итак, вы готовы? – профессор и его ассистент слегка присели, как будто готовясь прыгнуть.

Барышня была уже серьезно напугана и издала только слабый писк, который Матусос истолковал как знак ее готовности.

– Молодчина! Тогда я считаю! – и профессор начал медленно произносить цифры. – Один... Два... Три!

Девушка старательно трянула головой, Тейе вздрогнул, но... ничего не произошло. Зато сама обладательница модной прически ойкнула и прошептала:

– Там что-то есть!

– Ага! – торжествующе вскричал профессор. – То-то и оно! А ну-ка встряхнем это «что-то» еще раз! Один... Два... Три!

Вот тут-то уже кое-что произошло! Платок неожиданно соскочил с головы перепуганной студентки и прыгнул прямо на грудь Тейе. Тот пытался схватить оживший платок, но только заключил сам себя в объятия и, потеряв равновесие, с размаху сел на пол. Платок же, воспользовавшись промахом ловца, оттолкнулся от его груди и одним прыжком перелетел на кафедру, перед которой в растерянности замер профессор Коплус.

Видимо, тот, кто сидел внутри платка, видел сквозь ткань не очень хорошо. Приземляясь он здорово ударился и на некоторое время потерял ориентацию в пространстве. Зато от его приземления с кафедры упала папка с заметками для лекций профессора Коплуса.

Заметки эти профессор писал уже более двадцати пяти лет, и папка за прошедшие годы стала весьма пухлой. Судите сами, одних королей в ней помещалось целых двадцать три (последние пять королей по традиции к прошлодавней истории не относились)! Были в папке заметки о четырех великих мудрецах, девяти храбрых рыцарях и шести легендарных героях. А короли соседних государств! А наводнения и засухи! Там был даже один средней руки поэт с прескверным характером, написавший как-то скучнейшую оду родной стране, за что историкам и его с тех пор приходилось терпеть в своей науке. И вся эта компания вместе с папкой упала напрямик на ногу незадачливому профессору.

Ушибленный историей Коплус вскричал от боли, и резко согнулся, чтобы обнять раненую конечность. О наличии кафедры Коплус подумать не успел, поэтому с размаху ударился лбом о деревянную крышку, на которой возился, приходя в себя, обитатель платка. Профессор со стоном сполз на пол, где и остался лежать без сознания. От сотрясения кафедры платок запаниковал и снова прыгнул, сам не зная куда.

На сей раз он врезался в гипсовую копию статуи тирана Крумса Бесстыжего, который правил страной в стародавние времена, и прославился своей удивительной жадностью до чужого добра. В легенды вошел рассказ о том, как Крумс отнял у своих подданных сначала все дорогостоящее, потом все красивое, а затем и просто все полезное. Тут-то тиран и увидел у одного бедного крестьянина в доме грубую, старую и пыльную от долгого бездействия вещь неизвестного назначения. Поначалу Крумс на вещь внимания не обратил, но вернувшись во дворец, понял, что до невозможности хочет ее отнять. Он тотчас же позвал своего писца и начал диктовать указ.

Начало указа далось тирану без труда: жителям страны надлежит в трехдневный срок сдать в пользу короля... А вот что именно, Крумс никак сказать не мог. Он представлял себе кучи всякой дряни, которую наташат его запуганные подданные, если он просто потребует принести все старое и бесполезное, и приходил от этого в ужас. Но никакого более точного определения ни ему, ни срочно созванным для этого придворным мудрецам в голову не приходило. Тиран страшно мучился и злился, от этого заболел и вскоре умер.

За долгие годы правления Крумса многочисленные заговорщики и претенденты на трон не сумели свергнуть самодура. А вот неизвестному существу в платке это удалось в полной мере – оно врезалось в бюст Крумса, гипсовый тиран закачался и пал с пьедестала прямо на пол, разлетевшись на куски.

Массивный гипсовый нос придавил край платка, чем тут же воспользовался профессор Матусос. В один прыжок он оказался возле груды обломков, высвободил платок и прижал беглеца вместе с платком к груди. Пленник рвался наружу и сопротивлялся профессору изо всех сил, но Матусос держал существо крепко.

Тейе подбежал к профессору и принялся озиаться по сторонам. Затем он ринулся в угол, где стоял древний кувшин для священного напитка «шнупс» – им жрецы когда-то поили своих соплеменников. Признаться, не меньше они пили и сами, чтобы не так тяжело было слушать фальшивое исполнение религиозных песнопений. Ассистент подставил горло кувшина, а Матусос осторожно вытряхнул туда из платка недовольно пыхтящего зверька с красивой зеленоватой шерсткой и совершенно лысым розовым хвостиком, раздвоенным на конце.

Профессор взял кувшин, кивнул на него головой и, обращаясь к своему бесчувственному коллеге Коплусу, сказал: «С возвратом».

Затем он повернулся к Тейе и произнес:

– Поздравляю, коллега! Будьте любезны, сбегайте на факультет животворения и поздравительных наук – тут есть пострадавшие. Попросите от моего имени профессора Дунг-и-Кунга поскорее прислать сюда кого-нибудь сведущего в исторических травмах.

Тейе рысью выбежал из аудитории, а профессор, повернувшись к ошеломленным студентам, извлек из кувшина за шкурку виновника переполоха и торжественно показал всем.

– Прошу любить и жаловать: мартышный пушканчик. Обитатель влажных лесов царства Мурджи-пурджи, питается травяными пыхликами и соцветиями жуть-деревя. Обратите внимание, раздвоенный хвост однозначно указывает на то, что это взрослый самец. А вот самок никто до сих пор не встретил: они настолько стеснительны, что обладают свойством невидимости. Самцы находят их только по звуку весенней песенки.

Профессор весело оглядел аудиторию.

– Укус смертелен, – добавил он и подмигнул студентке с платком в руках и живописным беспорядком на голове.

Та тихо ойкнула и повалилась в обморок. Матусос бережно опустил недовольного пушканчика в кувшин и покинул аудиторию, куда на смену ему вбежали ведомые Тейе животворцы и поздравители. Они умело окружили заботой профессора Коплуса и студентку, лишившуюся и сознания, и модной прически.

А профессор Матусос торопливо понес своего пленника в лабораторию кафедры животных наук, где он вот уже почти полвека трудился, прославляя своими открытиями и Большой туртсондский университет и весь славный Туртсонд.

Глава 2. Немного об истории города Туртсонд

Город Туртсонд чинно расположился на берегу спокойного и мелководного залива Удачной Рыбалки. Говорят, когда-то давно король Эрлик I устал от своих шумных и бестолковых придворных и взял выходной, чтобы спокойно в одиночестве половить рыбки и поразмышлять о действительно важных вещах, а не о той чепухе, которую придворные норовили ему рассказывать.

– Ваше величество, – говорили взволнованно придворные, – соседнее королевство идет на нас войной! Что же нам делать? Во время войны, наверное, придется отменить ежегодные королевские овечьи бега, а это так грустно!

– В лесах, мой король, – говорил мрачно глава королевской стражи, – поселился благородный разбойник Добродушный Петте. Сначала мы думали, что он грабит богатых и раздает награбленное бедным. Мы проверили, но оказалось, что бедных он грабит тоже. Тогда мы решили узнать, раздает ли он награбленное у бедных богатым – и выяснилось, нет, не раздает. Мы в полной растерянности... Неужели он грабит всех подряд и все награбленное оставляет себе? В чем же тогда его благородство?

– Крестьяне недовольны повышением налогов, – дрожащим голосом сообщал королевский повар, забыв даже добавить что-нибудь приятное, например, «ваше величество» или «мой король». – Они настолько сердиты, что даже деревенское молоко, поставляемое ко двору, стало горьким и закипает почти мгновенно. Как нам готовить королевскую кашу, если молоко так скверно себя ведет?

Ну кто может изо дня в день вести разговор только о таких скучных и пустяковых вещах? Король из всех сил старался не расстраивать своих придворных и давать им мудрые королевские советы и распоряжения. Он говорил:

– Пускать к нам соседнее королевство, да еще и с войной мы не должны. У нас же была, кажется, армия. Пошлите, будьте добры, ее к ним навстречу, пусть они повоюют, если им так хочется, но где-нибудь подальше, не у нас.

– Если Петте такой нечестный тип, то, я думаю, можно разрешить всем кого он ограбил, и богатым, и бедным, ограбить его самого, чтобы никому не было обидно. Только проследите, пожалуйста, чтобы все отбирали у Петте ровно столько, сколько он отобрал у них, а то получится еще большая неразбериха.

– Перед тем, как готовить кашу на этом нервном молоке, поиграйте перед ним на флейте, это очень успокаивает, я знаю это по себе.

Придворные переставали волноваться и убегали исполнять приказы и следовать советам, а Эрлик грустно думал о том, что они могли бы и сами догадаться, что делать, а не беспокоить его понапрасну. Но даже и королевскому терпению приходит конец. После одного уж совсем суматошного дня король взял выходной и отправился на рыбалку.

Залив, который Эрлик облюбовал для своего выходного, тогда назывался заливом Обдери Брюхо, так как был он мелкий, а дно в нем ужасно каменистым. Даже маленькие рыбацкие лодки рисковали сесть в нем на мель, да еще и пробить днище о камни. Поэтому на берегах залива никто не жил, и беспокоить короля там было некому. А именно этого-то королю Эрлику и было нужно!

Чем дольше король сидел на берегу, тем больше он наслаждался покоем и тишиной, и тем яснее он понимал, что именно тут хорошо бы было иметь ему столицу его королевства. Тихую, как пустынный берег, неторопливую, как морской прибой, и опрятную, как белый песок пляжа и окрестных дюн. Эта мысль показалась королю настолько удачной, что и залив с той поры стал именоваться заливом Удачной Рыбалки, хотя поймать Эрлику за весь день не удалось ни одной даже самой крошечной рыбки.

Король был человеком решительным, и по возвращении на работу после выходного сразу же перенес столицу на новое место. Прежние придворные долго недоумевали, куда же подевался их король, и почему в прежней столице народу становится все меньше и меньше. Но им-то король ничего о своей затее не сказал, а то какой смысл был бы вообще затевать весь переезд!

Зато город Туртсонд рос не по дням, а по часам. Со времен правления короля Эрлика I прошло без малого четыреста лет, и за это время он стал настоящей столицей королевства, большой и солидной. Но при этом город в полной мере унаследовал тот характер, который старался придать ему король-основатель.

Город был неторопливым и степенным, его жители по улицам шествовали или проезжали, а не спешили или проносились, как это было в других крупных городах. Располагался Туртсонд на плоской местности, был весь на виду, а не скакал с холма на холм или не лепился кое-как к склонам гор. И если в других городах в огромных количествах жили крысы или голуби, то Туртсонд стал домом для грызунов под названием «соня», что говорит само за себя.

Упорядоченного подхода с тех пор решили придерживаться во всем. Например, королей стали звать только Эрлик, и отличие от всех предыдущих правителей заключалось только в порядковом номере. В то время, о котором пойдет речь в нашей истории, правил всеми любимый монарх Эрлик XXVIII, и вопрос о том, кто унаследует его трон, никого не волновал и не будоражил. Все прекрасно знали, что это будет Эрлик XXIX.

А как же быть, если в королевской семье не окажется сына, спрашивали некоторые незнакомые с местными традициями иностранцы. Тогда королевской дочери находили какого-нибудь симпатичного жениха, но ставили ему условие после свадьбы именоваться Эрликом. Отчего-то ни разу за всю историю уступить такую малость ради женитьбы на дочери короля никто не отказался.

Каждому королю, чтобы запомниться гражданам, надлежало сделать какое-нибудь одно полезное для страны дело. Если один король и реформирует войско, и введет моду на кружевные воротнички, и отменит какой-нибудь налог, то следующий король окажется в сложном положении: все полезные дела сделаны. Если он не сделает ничего, то его никто не запомнит, а это обидно. Если же он отменит еще какой-нибудь налог, то его станут путать с предыдущим королем, а это еще обиднее. Поэтому ничего не делать короли себе не позволяли, но и фонтанировать свершениями тоже не спешили. Примерный список королевских дел составил еще Эрлик I, и ему старались следовать вот уже четыреста лет. Ну, без малого четыреста.

Глава 3. Гости из Мурджипурджи

Лишь в двух делах основательный подход, принятый наследниками Эрлика I, дал небольшой сбой.

Во-первых, название королевства, столицей которой был славный город Туртсонд, пришлось поменять, и не просто поменять, а поменять целых два раза. Издревле королевство носило простое и понятное всем жителям имя «Трумпааварданскваа», что примерно означало «Хорошая страна, и рыба есть и природа красивая, но уж больно зимой холодно». Но отчего-то иностранцы никак не могли ни запомнить, ни тем более произнести это название по-человечески. Они уверенно справлялись с частью «Трумп», но потом начиналось такое безобразие, что даже и вспоминать не хочется.

За всю историю лишь один иностранец, посол соседнего королевства, научился сносно произносить это слово, но он потратил на его заучивание больше двадцати лет, и все эти годы ничем другим кроме зубрежки не занимался. Дошло даже до того, что когда между королевствами, как это частенько случалось в те стародавние времена, началась война, посол этого не заметил и вовремя не объявил о войне королю Эрлику XII. Война от этого не состоялась, и на посла его собственный король был очень сердит, ведь он настроился воевать, а на битву никто так и не пришел. Пришлось объявить войну другим соседям, и посла простили.

Пока речь шла только о войнах или торговле с ближайшими соседями, можно было с таким положением дел смириться. В конце концов, если ты решил поехать на торжество по поводу рождения наследника престола в соседнее королевство слева, то было и так ясно, куда ты едешь, как бы там ни называлась эта страна. Но когда короли Трумпааварданскваа стали приглашать к себе в гости заморских владык и купцов, те иногда просто не могли добраться до места.

– Простите, – спрашивали они местных жителей, проплывая мимо них на своем корабле, – как мне проплыть в королевство Трумп... Трумпсврд...

И пока они пытались выговорить неподатливое название, корабль уплывал дальше, а местные жители скрывались вдали. Но даже и бросив якорь напротив местных жителей, заморские гости рисковали произнести название так, что их направляли совсем не в ту сторону.

Видя такое грустное положение дел с названием собственного королевства, король Эрлик XIX, на долю которого по списку Эрлика I досталось какое-то совсем легкое и неинтересное дело, решил это название слегка сократить, чтобы облегчить жизнь гостям из дальних стран. После долгих совещаний с придворными учеными, было решено сократить название до «Трумпаава», что на местном языке читалось примерно как «Хорошая страна, и рыба есть и пр». Но тут уже местные жители возмутились и заявили, что в стране под названием «и пр» они жить не хотят. Жителей долго уговаривали и так и эдак, пока король Эрлик XXIII не ударил кулаком по столу и не сказал, что страна отныне будет называться просто «Тр», что неожиданно устроило всех. На местном языке это уже ничего не значило, а иностранцы такое короткое название запоминали быстро и с удовольствием.

А во-вторых, в столице с разницей в четыре месяца основали два университета. Эрлик IX был человеком добрым, но крайне забывчивым. Список королевских дел он выполнял, как умел, но выполнил ли он занесенные туда дела, вспомнить не мог. Да что там говорить, если правление его и вовсе окончилось, когда он забыл, что он король и уплыл путешествовать, не предупредив даже придворных. Говорят, через много лет на базаре города Друмарканд видели добродушного старичка, торговавшего сладостями, и отзывавшегося на имя Ерлык-ага. Старичок был невероятно похож на постаревшего монарха и нередко забывал брать с покупателей деньги за свой товар.

И вот одним ненастным февральским днем Эрлик IX заложил первый камень в основание Большого университета города Туртсонд. Народ встретил церемонию приветственными кликами, а ученые, которые долгие годы в ожидании открытия университета ютились в королевских конюшнях, вообще радовались как дети.

Каково же было удивление придворных, а затем народа и, в особенности, ученых, когда солнечным майским утром того же года король объявил о том, что настала пора наконец-то выполнить завет почтенного Эрлика I и основать в городе университет. Придворные знали, что король страшно расстраивается, когда кто-то напоминает ему о его забывчивости. А расстроенный король, пусть даже самый добродушный, это большая беда всего государства. Поэтому опытные придворные не стали обижать бедного монарха, и изобразили бурную радость и полнейшее одобрение королевского приказа. Они попросили ученых и народ сделать вид, что основание университета для них тоже полная неожиданность, на что те, жалея забывчивого Эрлика, согласились.

В конце мая того же года в городе Туртсонд был заложен второй университет. Чтобы хоть как-то различать два учебных заведения, придворные убедили короля, что университет великой столицы следует назвать «Великим», что король послушно и огласил на церемонии основания. Так вот и стал первый университет «Большим», а второй, его младший брат, появившийся на свет на четыре месяца позже, «Великим».

Сколько же путаницы было в первое время, когда оба университета открыли свои двери! Студенты поступали в один университет, а ходили учиться в другой. Многие не замечали этого до самого конца учебы. А если учесть, что многие профессора пользовались неразберихой и пытались получать жалование и там и там, то понять, где кто учится и преподает, было положительно невозможно.

С годами все пришло в порядок, но обида Великого университета на то, что судьба назначила его младшим братом, осталась и только усиливалась. Соперничество университетов вошло в поговорки. Слыша горячий спор, туртсондцы, посмеиваясь, говорили: «Ну, повстречал большой великого». Завидев же близнецов, они произносили: «Большой да великий пошли».

Держались при этом университеты по-разному. Большой на правах старшего брата считал себя первым сортом, а Великого способной, но не равной себе мелюзгой. Великий же из всех сил старался показать, что Большой почивает на лаврах, устарел, и что за свежей научной мыслью нужно идти только сюда, в Великий университет. Всеми силами он старался переманивать к себе лучших светил науки и перехватывать ученых гостей, приезжавших в город Туртсонд поделиться своей премудростью и почерпнуть здешних знаний.

Вот и теперь, когда в город пожаловали гости из далекого царства Мурджи-пурджи, из Великого университета к ним в гостиницу «Усталый поросенок» сразу же отправили целую толпу ученых, а в Большом университете лишь пожали плечами, мол, если к нам приехали, сами и придут.

Так в конце концов и вышло. Ученых из Великого университета радушно поили чаем и обжигающим напитком «пых», угощали сладостями и окуривали пряными ароматами, но на разговор по существу дела не шли.

– Уважаемые коллеги, – говорили ученые из Великого университета. – Какая область знаний вас интересует больше всего? В нашем университете пятнадцать факультетов (на три больше, чем в Большом, кстати), и любая область науки у нас представлена лучшими умами.

Переводчик старательно переводил главному гостю, тот в ответ произносил короткую фразу:

– Рачтарапанан профессор Матусос!

– Нас интересует профессор Матусос, – вежливо переводил переводчик.

– Ах, вас интересуют животные науки! Вот, пожалуйста, познакомьтесь, профессор Пунтаат, автор знаменитой монографии «О природных и искусственных приспособлениях для предохранения от небесных осадков пресноводных рыб королевства Тр», – оживленно говорили ученые.

– Нати хэ профессор Матусос. Рачтарапанан профессор Матусос!

– Это не профессор Матусос. Нас интересует профессор Матусос, – все так же вежливо переводил переводчик.

В конце концов, отяжелевшие от чая и сладостей и обожженные напитком «пых», ученые из Великого университета были вынуждены уйти ни с чем. А гости из Мурджипурджи через неделю отправили профессору Матусосу приглашение на ужин, написанное золотыми чернилами на пергаменте из нежнейшей телячьей кожи с огромной печатью самого правителя Мурджипурджи Суртинаартры IV Неохватного. Для пушей убедительности на пергаменте придворным художником в одном углу был нарисован сам Суртинаартра с распростертыми объятиями, а в другом – профессор Матусос, спешащий на встречу с правителем. Лично ни Суртинаартра, ни тем более придворный художник профессора не видели, поэтому изображен был профессор так, как его представляли в царстве Мурджипурджи, а именно в виде бородатого воина с острой саблей в одной руке и сачком для бабочек в другой.

Матусос терпеть не мог церемонных званных ужинов, да и в тот вечер хотел спокойно посидеть в лаборатории и подумать над классификацией пушканообразных, но международный скандал вызывать не хотел, поэтому приглашение принял и на ужин явился.

Для Матусоса заморские гости расстарались еще больше. В течение первого часа никто не произнес ни слова, так как все были заняты кормлением профессора. Хозяйева стола только подкладывали новые и новые яства ему в тарелку да подливали напитки в гигантских размеров кубок. Сами хозяйева тоже все пробовали, ахая и причмокивая, чтобы драгоценный гость не заподозрил, что ему дали не самые лучшие блюда. На втором часу застолья все пили «пых», отдыхали от обжорства и говорили об ужасной жаре летом в Мурджипурджи, которая ничем не лучше ужасной сырости осенью в Туртсонде. Все попытки Матусоса выяснить, с какой целью его позвали и что именно интересует заморских коллег, мягко, но решительно пресекались с просьбой не торопиться, ведь в свое время все выяснится.

На третьем часу застолья, профессора совершенно разморило, и он даже успел на минутку задремать и увидеть во сне родовое древо пушканообразных. Лишь тут глава мурджипурджианцев, господин Туркундур, толстяк с пышными усами, начал осторожно подбираться к основной цели разговора. Неожиданно оказалось, что он довольно-таки сносно говорит на родном языке Матусоса и неплохо знаком с животными науками. Сначала мурджипурджианец превознес таланты профессора и кратко, но точно перечислил самые важные труды Матусоса, затем задал несколько вопросов о его нынешних исследованиях. Профессор, получив возможность рассказать о проблемах классификации пушканчиков и их ближайших родственников копанчиков и пищассов, проснулся и пустился, было, в рассуждения, но толстяк вежливо его остановил. Пушканообразные прекрасны и очень важны науке, сказал он, но они уже давно известны, а кроме того, довольно невелики, поэтому для супа... Тут он вдруг замолчал, обаятельно улыбнулся и повел речь о том, что есть звери, которых еще никто и никогда не видел, и вот они-то и есть единственно стоящий предмет для приложения усилий такого известного и значительного ученого, как уважаемый профессор.

Уважаемый профессор, обиженный отсутствием интереса к своим любимым пушканообразным, запальчиво сказал, что таких зверей в природе нет. Гость опять улыбнулся и призывал уважаемого профессора не торопиться. Выдержав паузу, гость спросил, что профессор думает, например, о цирманском звере.

На этом месте профессор Матусос вскочил из-за стола, швырнул на стул салфетку и подробно сообщил гостям свое мнение о тех людях, которые надеялись, что серьезный уче-

ный будет тратить время на разговоры о сказочных существах. Он предложил с вопросами о единорогах, русалках, крылатом ужасе расщелины Круд и прочем подобном зверье обращаться на факультет рифмоплетения и сказководения, пообещав назвать имена ведущих специалистов. И наконец профессор посоветовал еще раз позвать в гости коллег из Великого университета, которые ради известности и сиюминутной славы готовы будут заняться чем угодно. Для выполнения же подобной научной работы Матусос порекомендовал забрать этих самых коллег в богатую и славную страну Мурджипурджи и желательно вместе с самим Великим университетом.

Толстый иностранец вежливо выслушал гневную тираду Матусоса и смиренно попросил того не сердиться раньше времени. Пусть уважаемый профессор ознакомится с трудами по этой теме, которые имеются в известнейшей и богатейшей библиотеке Большого университета, и уж после выскажет свое мнение. Затем гость назвал несколько имен ученых, посвятивших свои работы цирманскому зверю, и среди них профессор с удивлением услышал имена великих исследователей прошлого, которых он и сам почитал как отцов современных животных наук. Заинтересованный, Матусос дал мурджипурджианцам слово через неделю прийти опять и продолжить разговор.

Глава 4. Архив Большого университета

Почти всю неделю профессор был ужасно занят. Он отправил восемнадцать писем иностранным ученым, с которыми состоял в переписке по вопросам животных наук, закончил статью о подходе к классификации пушканообразных, написал в самую старую и уважаемую газету страны, «Вечерний тутрсондский сплетник», гневную заметку об из рук вон плохом содержании зверей в городском зоопарке и в четырнадцатый раз вступил в спор и насмерть поссорился с профессором Пунтаатом из-за несогласия по вопросу возможности происхождения особ королевской крови от тех же древних предков, что были у всех остальных людей. Профессор Пунтаат неопровержимо доказывал, что короли относятся к совершенно отдельной и не в пример более совершенной ветви живых существ. Разве выдающиеся умственные способности королей из рода Эрликов, их неотразимая внешность, и особая, ни у кого более не встреченная доселе форма ушей, не есть верные признаки этого?

По поводу красоты или ума Матусос возражать не стал, но «ушной» довод Пунтаата разгромил очень простым и действенным способом. Во время лекции, на которой профессор Пунтаат показывал студентам гипсовые макеты увеличенных в пятьдесят раз левых ушей Эрликов с XXIII по XXVIII и приводил тринадцать удивительных особенностей их строения, дверь в аудиторию распахнулась. В нее, возглавляемые профессором Матусосом, маршем вошли двадцать пять жителей славного города Турсонд. Среди них было пять матросов, один поэт, два художника, лекарь, пожарный, пекарь с двумя сыновьями, певица, торговка сушками и даже один воришка-карманник. Уши каждого из них имели в точности ту же форму и обладали всеми теми же тринадцатью удивительными особенностями, что и уши почтенных монархов. В особенности точно повторяло все завитки королевских ушей ухо карманника Кыртса. Профессор Пунтаат пытался говорить что-то о недозволенных способах ведения научных споров, но теория его понесла существенный урон, а студенты довольно громко хихикали и ехидничали.

Профессор Матусос не забыл о своем обещании заняться цирманским зверем только благодаря исполнительному Тейе. Когда осталось уже всего два дня, ассистент пристыдил профессора и напомнил, что люди приехали издалека лишь ради встречи с ним, а он даже не удостоится открыть для вида пару книг в библиотеке. Пристыженный Матусос вздохнул и в сопровождении верного Тейе отправился на ночь рыться в пыльных томах и свитках.

Слова об «известнейшей и богатейшей библиотеке Большого университета» произносились, конечно, в качестве грубой лести, но и от действительности были недалеки. Правители королевства Тр неустанно следили за тем, чтобы библиотека постоянно пополнялась и расширялась. Основанная вместе с университетом как предписывал список королевских дел, она оказалась на удивление полезной самим королям. Во-первых, в большой библиотеке можно было легко спрятаться от надоедливых придворных и вздремнуть часок в укромном уголке, но не под каким-то неважным предлогом, а как бы с целью припасть к сокровищнице мудрости прошлого. Во-вторых, в книжках попадались иногда очень интересные картинки, куда интереснее, чем военные карты и парадные портреты королевской семьи, которые монархам полагалось рассматривать по долгу службы. А в-третьих, по старинным книгам ученые неопровержимо доказывали потрясающую древность королевского рода, что самим королям было безразлично, но в спорах с соседями полезно, да и на иностранцев производило впечатление.

Раздел «Животные науки. Звери, птицы, растения. Мелочь пузатая. Жизнь как она есть» был изучен профессором Матусосом за годы работы в университете вдоль и поперек, а благодаря дружбе с библиотекарями он был первым, кто узнавал о новых книгах. Поэтому теперь профессору не потребовалось много времени, чтобы найти в лабиринте залов, шкафов и полок

нужное место. Он быстро отобрал необходимые тома, а Тейе перенес книги на стол, выбранный для работы.

Несколько трудов, упомянутых мурджипурджианцем, в знакомом разделе, впрочем, не оказалось. Подойдя к библиотекарю, Матусос путем непродолжительных расспросов выяснил, что эти книги оказались в глубоко презираемом им разделе «Сказки. Легенды. Рассказы. Побасёнки». Сдерживая раздражение, профессор пробежался вдоль шкафов и там, в результате чего стопка книг на рабочем столе выросла еще на добрых пятнадцать томов. Работа закипела.

Когда рассвет окрасил розовым шляпу и лицо стоящей перед заливом Удачной рыбалки статуи Эрлика I, отчего сонный памятник, казалось, недовольно поморщился, профессор Матусос и его ассистент Тейе стали обладателями целой кипы заметок о загадочном цирманском звере. Вот что они выяснили.

Первым слух о необычном звере из царства Цирмани принес в Тр, тогда еще гордо именовавшееся Трумпааварданскваа, великий путешественник Дартсканден. О цирманском звере написано в книге о его третьем путешествии, самом опасном и продолжительном. К сожалению, в той же книге путешественник поведал о говорящей лягушке из страны Тухтан-Мухтан, людях-помидорах с острова Кунс и исполняющем желания кофейнике султана Шехтермека. Книгу читали с удовольствием, Дартсканден стал богат и знаменит после ее издания, но все единодушно сочли рассказы путешественника выдумкой.

Еще с десяток путешественников, полдюжины ученых и даже один генерал, водивший войска Тр на помощь союзникам из дальних стран, как оказалось, с тех пор упоминали цирманского зверя. Что удивительно, все они были совершенно единодушны и довольно-таки точны в описании места, где водится таинственный зверь, но самого зверя описывали совершенно поразному. Генерал говорил о массивном существе размером со слона, покрытом толстым серым панцирем, обладателе трех рядов бивней на морде и острых шипов на спине. Дартсканден, напротив, писал о небольшом животном, величиной примерно с собаку, с короткой светло-коричневой шерсткой и пушистым бежевым хвостом. И если генерал в первую очередь подчеркивал грозный облик и мощь зверя, то великий путешественник превозносил его невероятную хитрость и способность обмануть охотников.

Заметки профессора и его ассистента выглядели престранно. Например, под заголовком «Цвет» были собраны такие определения:

ярко-красный
иссиня-черный
серый, подобно броне носорога
нежный светло-коричневый
переливчатый
цвета рыбного супа моей матушки
цвета глаз самой прекрасной девушки на земле
не пойми какой
совсем забыл, давно дело было

Столь же разнообразно путешественники и ученые описывали размер, повадки, любимые блюда и голос обитателя далекого Цирмани. И лишь пещера, в которой он живет, во всех рассказах выглядела весьма правдоподобно и на удивление одинаково.

Кроме всего прочего, Матусос и Тейе заметили, что более поздние книги и научные труды с почтением упоминают одну и ту же книгу как самое полное и заслуживающее уважения описание цирманского зверя. Это была работа почтенного магистра Варстхонда «О внушающем трепет цирманском вилорогом звере, его необычных повадках, жизненных взглядах и отвратительном запахе». В самых свежих книгах также говорилось о том, что автор познакомился с трудом Варстхонда в университетской библиотеке Туртсонда. Разгоряченный азартом науч-

ного поиска, профессор Матусос бесцеремонно разбудил библиотекаря и потребовал поскорее выдать ему драгоценный том.

Библиотекарь видел сладкий утренний сон о поимке и публичной порке студента, который повадился писать на книгах известных ученых посвящение себе от их имени. Всё еще находясь во власти сна, слыша повизгивание студента и свист розог, библиотекарь некоторое время только блаженно улыбался, но постепенно пришел в себя и со вздохом побрел к своему столику. Там он еще около четверти часа вздыхал и рылся в больших амбарных книгах, после чего снова заулыбался, и выписал профессору на листочке номер шкафа и полки, где стояла вожаемая книга. Не дожидаясь благодарности Матусоса, библиотекарь рысью понесся обратно на свою лежанку, надеясь досмотреть публичное унижение юного вредителя до конца.

А Матусос так же быстро кинулся в другую сторону, за книгой Варстхонда, которая почему-то оказалась в разделе «Мода. Одежда. Парфюмерия. Прически. Неотразимый макияж». Видимо, наличие слова «запах» в названии направило служителей библиотеки, расставивших книги, по ложному следу.

Шкафы и полки пролетали мимо профессора Матусоса, когда сжимая в руке бумажку с номером шкафа, он почти бежал от нетерпения к полке с заветной книгой. «Макароны»... «Мелодии»... Уже ближе! «Мифология»... Совсем близко! «Муравьи»... Стоп, назад! «Мода»! Вот оно!

Еще подбегая к нужному шкафу, профессор почуял неладное. Все полки ломились от книг, лишь одна была пуста, и только пыльные разводы указывали на то, что еще недавно здесь тоже рядами стояли фолианты и брошюры. Подойдя к шкафу поближе, Матусос увидел, что на полу, сброшенные с полки и варварски разбросанные, валяются книги. Похоже, что кто-то искал нужную ему книгу, но не удосужился аккуратно пройтись по надписям на корешках, а просто, недолго думая, сбросил все с полки, и стал искать уже в куче на полу, яростно отшвыривая в сторону ненужные тома.

Дело тут было серьезное, Матусос бросился обратно и снова разбудил библиотекаря. Тот был раздражен и зол. Вместо упоительного сна о телесных наказаниях, теперь ему приснилось, что своими надписями нахальный студент наложил заклятие на все книги в библиотеке, и стал ее единственным владельцем. Несчастный библиотекарь вынужден был не только не наказывать наглеца, а еще и работать на него, выискивать еще не испорченные юношей издания и приносить ему для нанесения хулиганских надписей. Книги жалобно пищали и прятались, но библиотекарь вытаскивал их из убежищ, и, обливаясь слезами, нес на расправу. Спросонья библиотекарь утирал слезы и хлюпал носом. Но когда до него дошло, зачем его разбудили вторично, книжный страж проявил весьма неожиданную прыть и добежал до раздела «Мода», опередив профессора почти на три шкафа.

Вместе с подоспевшим Тейе профессор и библиотекарь бережно расставили тома, рукописи и свитки на места, а те, что пострадали при падении, сложили аккуратной стопочкой для отправки в ремонт. В куче обнаружили даже книжку «Уроки домоводства мамы Дустсон», явно из другого раздела, и ее отложили для водворения на место. Но только, вот беда, книги почтенного Варстхонда они так и не нашли. Видимо, именно она и была целью неведомых вандалов.

Взяв с библиотекаря слово пока что не рассказывать никому о пропаже книги, профессор Матусос и его верный ассистент покинули здание библиотеки. От возмущения и неудовлетворенного любопытства профессор, несмотря на бессонную ночь, был возбужден и решительно настроен тут же приступить к поискам и найти пропавший научный труд во что бы то ни стало.

Глава 5. Подозреваемые

Тейе пытался протестовать и уговорить профессора не будить уважаемых гостей из дальних стран, но Матусос был непреклонен. Заявив, что такие новости не могут ждать, он отправил ассистента домой отсыпаться, а сам решительно ворвался в гостиницу «Усталый поросенок», растолкал храпевшего при входе воина с огромной кривой саблей и потребовал вести его к господину Туркундуру.

У двери в номер боролась со сном еще более внушительная охрана. Двое рослых воинов с копьями и щитами отчаянно пытались пусть и с закрытыми глазами, но удержаться на ногах. Шумное появление профессора заставило их немного приободриться и напустить на себя грозный вид. Но как только стражники услышали, что дерзкий нарушитель спокойствия это уважаемый профессор Матусос, они тут же настежь распахнули перед ним двери и лихо отсалютовали копьями.

Слуга господина Туркундура, дремавший в одежде на диванчике в прихожей, быстро скатился со своего неудобного ложа, и не открывая глаз исчез за дверью спальни. Оттуда донесся протяжный и недовольный скрип кровати, затем еще более недовольный голос главного мурджипурджианца, но затем кровать скрипнула уже резко и решительно, после чего так же решительно в прихожую вышел сам господин Туркундур. Его лицо, несмотря на ранний час, светилося радушием.

Профессор порывался начать рассказ, но до тех пор, пока в прихожей как по волшебству не появился столик, на столике чайник, чашечки и несколько блюдец со сладостями, а одна из чашек не наполнилась горячим чаем и не оказалась в руках Матусоса, ему не удалось произнести ни слова. Увидев, что профессор по-честному отпил из чашки, господин Туркундур улыбнулся и жестом пригласил Матусоса к разговору.

Профессор кратко рассказал о пропаже книги. Мурджипурджианец на мгновение помрачнел и дал какую-то отрывистую команду своему слуге. Тот молча стремительно выбежал из номера. В следующую секунду лицо господина Туркундура вновь озарилось добродушием. Он сказал, что пропавшей книги жаль, но, конечно же, прославленной на весь мир полиции города Туртсонд не составит труда ее найти. Господин Туркундур добавил, что жалеет, но он и его спутники ничем не смогут помочь славной полиции, ведь они в городе недавно и ничего и никого здесь не знают. Но все же есть в этой истории и кое-что радостное, – тут господин Туркундур широко улыбнулся, – а именно то, что уважаемый профессор, похоже, заинтересовался цирманским зверем.

Тут профессор неожиданно и сам понял, что зверь, которого еще неделю назад он искренне считал выдумкой и детской сказкой, не на шутку заинтересовал его. Господин Туркундур посоветовал профессору перво-наперво отдохнуть после бессонной ночи и пообещал всю возможную помощь, которую только может оказать скромный иностранец в огромном незнакомом городе. Сам же он будет лишь с надеждой дожидаться от уважаемого профессора дальнейших известий, ведь господину Туркундуру не сравниться с уважаемым профессором ни в уме, ни в известности.

Они распростились, и профессор Матусос отправился домой. Выходя из гостиницы, он заметил, что никто из мурджипурджианцев уже не спал, спешно отдавались непонятные распоряжения и получавшие приказ со всех ног бросались его исполнять. Но обдумывать увиденное у профессора уже не было сил, и он отправился домой.

Немного поспав, Матусос вернулся в университет и первым делом решил узнать у других профессоров животных наук, не спрашивал ли их кто-то о цирманском звере. Ничего интересного узнать не удалось, ни самим зверем, ни книгой никто давно не интересовался. Вроде бы, пару недель назад какие-то иностранцы задавали вопросы, но были ли это мурджипурджианцы

или какие-то другие гости Туртсонда, узнать не удалось. На факультете животных наук было принято интересоваться в первую очередь животными науками, а не теми, кто интересуется животными науками.

Вместе с выпавшимся Тейе профессор вновь направился в библиотеку. Библиотекарь очень переживал из-за пропавшей книги и сам бросился навстречу Матусосу и его спутнику. Но вот только пользы от него оказалось немного. Разговор с ним вышел примерно такой:

– Друг мой, – спрашивал Матусос, – чтобы взять почитать книгу почтенного Варстхонда, нужно спросить у вас, где она стоит, так?

– Так точно, у меня, а у кого ж еще? – подтверждал библиотекарь.

– Тогда, стало быть, и похититель книги должен быть у вас спрашивать об этом, так? – продолжал профессор.

– Должен был, а иначе-то как? – уверенно кивал библиотекарь.

– Тогда, любезный друг, – наседал Матусос, – кто и когда спрашивал у вас о книге магии?

– Кто ж спрашивал? Да мало ли кто спрашивал! – задумчиво отвечал библиотекарь. – Вот вы же сами и спрашивали вчера. Я вам тут же все как есть рассказал, и шкаф и полочку, и на бумажке написал, чтобы удобнее было, значит, искать, что по дороге не забыть случайно.

– Это понятно, – уже начинал сердиться профессор. – А кроме меня еще кто-то про книгу спрашивал?

– Спрашивал, конечно! – библиотекарь весь светился от желания помочь. – Вот тот, кто книгу украл, тот и спрашивал.

– Но кто это был?! – профессор перешел на крик.

– Ясно кто был: нехороший был это человек! – голос библиотекаря дрожал от обиды. – К нам библиотеку ведь кто хочешь приходит, то хороший студент, а то дрянь какая-нибудь. Сразу-то и не отличишь. А один тут и вовсе повадился вредить, господин профессор, книжки – книжечки мои! – портить. Пишет, мерзавец, на книжках, вот тут вот, на первом листе, посвящение себе от имени автора. Вчерась взял, например, профессора Конрстроонде, «О разных кристаллах», том 4, и там написал: «От дядюшки Арвиндта дорогому М., который умнее, лучше и способнее меня в сто раз, а уж какой красавец, просто слов нет». Боров хрюненгаардский ему дядюшка!

Профессор насилу прервал горькие жалобы библиотекаря. После получаса вопросов, криков и увещаний Матусосу все же удалось кое-что выведать.

Раз в неделю библиотекари совершали обход всех книжных шкафов, полок и стопок. Если они находили что-то неправильное, не поставленные на место книги, посторонние предметы или еще что-то подобное, не порядок тут же устранялся. Последний обход состоялся три дня назад, и стало быть в последние три дня похититель книги о цирманском звере и должен был посетить библиотеку. По записям библиотекаря нашлось девять человек, которые за чем-либо обращались к нему за эти дни.

Матусос взял заботливо переписанный для него библиотекарем список имен и отправился в университет поговорить с другими профессорами. Довольно скоро удалось выяснить личности семи из девяти посетителей библиотеки. Это были обычные студенты и студентки, и, поговорив с каждым из них лично, профессор пришел к выводу об их невиновности.

Таким образом, под подозрением оставалось двое. Один был записан под именем Тордын-Баартандар Мелкиден (что было для Туртсонда весьма необычно), второй значился как Пек Тренст (что для Туртсонда было весьма заурядным именем). Пек Тренст библиотеку посетил только однажды, и взял какую-то неинтересную книжку о домоводстве, а вот господин Мелкиден являлся в нее ежедневно и сегодня тоже уже сидел где-то в недрах библиотеки. Имя

было загадочным, книги Мелкинден брал все больше старинные и редкие. Профессор Матусос решил начать с него и отправился разыскивать Тор-дына-как-бишь-его-там.

Одного взгляда на господина Мелкидена оказалось достаточно, чтобы понять, что и его нужно вычеркивать из списка подозреваемых. Увенчанный огромной копной нечесаных волос, юный Тор-дын-Баартандар сидел в самом дальнем углу читального зала и что-то усердно писал, высунув для верности язык. Вокруг него возвышался крепостной вал из книг великих поэтов прошлого, к которым Тор-дын то и дело обращался по имени, как к давним приятелям:

– Алласандр, послушай, каково а? А ты бы смог так? Ни в жизнь бы не смог!

– Эх я загнул, Веллиам, ну не гений ли я?

Господин Мелкинден был настолько увлечен своим занятием, что не заметил, как профессор подошел к нему и прочитал через плечо:

Сижу один я в библиотеке,

Пишу на удивление великие стихи.

Великих поэтов еще не было в нашем веке,

А вот он и я, всем привет, хи-хи!

Тор-дын прикрыл было свои строчки рукавом потертого сюртука, но Матусосу всё уже было ясно, и он лишь для удовлетворения собственного любопытства спросил:

– Юноша, как вас зовут на самом деле? Не будете же вы утверждать, что вот эти все «Тор» и «дын» – ваше настоящее имя?

Поэт покраснел и смутился. На самом деле его звали Тоом Мелк, что было для города Тортсунд вполне обычно. Для заурядного поэта или, скажем, автора детских стихов это, по мнению юноши, еще могло сгодиться, но в великие поэты с таким именем не стоило и соваться. Пришлось придумывать псевдоним посolidнее.

Тут профессор понял, что если не уйти сейчас, но придется выслушивать еще и стихи будущего светоча транской поэзии. Он пожелал юноше удачи и поскорее сбежал, но прежде посоветовал подумать, стоит ли вообще соваться в поэты, даже под сенью такого без сомнения удачно выбранного имени.

Оставалось последнее имя в списке. Пек Тренст. Из пяти взрослых мужчин города Турсонда один точно был Пеком. А из трех Пеков один носил фамилию Тренст.

Глава 6. Встреча с агентами

Пек Тренст. Читатель книги по домоводству мамыши Дустсон. Профессор представил печального немолодого господина, вынужденного изучать неведомую ему доселе науку домашнего хозяйства после внезапного ухода ветреной супруги. Какая скука! Даже слово «домоводство» навевало на Матусоса тоску. Домоводство... Мамаша Дустсон... Стоп! Ну как же он мог забыть! Именно эта книга лежала, небрежно брошенная, в куче других томов вокруг шкафа, откуда похитили труд о цирманском звере. Так вот ты кто, похититель! Пек Тренст твое имя.

Профессор, без особой надежды, но все-таки попытался расспросить библиотекаря о посетителе по имени Пек Тренст. Библиотекарь кивал, сокрушался о краже, но ровным счетом ничего не мог вспомнить и вновь порывался рассказать о вредном студенте, авторе дарственных надписей. Правда, увидев, что лицо Матусоса начинает наливаться кровью, библиотекарь от продолжения рассказа воздержался. Дальше он только поддакивал и так оживленно кивал головой, что профессор решил прекратить расспросы прежде чем от такой безжалостной тряски библиотекарь позабудет и собственное имя. Все, что удалось выяснить, так это в какой день господин Тренст был в библиотеке, и кто из посетителей был в ней тогда же.

Профессор и его верный ассистент призвали себе на помощь нескольких толковых студентов и развернули поиск возможных свидетелей кражи книги. За пару дней все посетители библиотеки были найдены, и каждый из них рассказал лично Матусосу, что именно он делал в храме книг с точностью до минуты. Никто не видел ничего подозрительного. Лишь один студент сказал, что был крайне изумлен, увидев в библиотеке своего товарища, который тягой к знаниям не отличался, и до этого был замечен лишь в тавернах и на овечьих бегах. В качестве жеста отчаяния к опросу был привлечен и упомянутый оболтус.

И тут расследование неожиданно сдвинулось с мертвой точки. В тот день студент-бездельник зашел в библиотеку вовсе не по делам науки. Его товарищи, как он узнал незадолго до того, поспорили, что в библиотеку он не зайдет ни разу. Причем сам предмет спора заключался в том, не зайдет ли он туда только в текущем году или вообще за все годы учения. Желая оставить спорщиков с носом, студент решительно отправился в храм знаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.